

ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

В. ЛАЗУТКА

Борьба человека с природой всегда являлась определяющим моментом его жизнедеятельности, целью и смыслом которой были покорение природы, овладение ее человеком. В отличие от животных, которые в процессе биологической эволюции приспособляются к природе, человек преобразует, очеловечивает ее. С этого момента и начинается его история. В процессе истории прогресс человеческого общества в том и заключается, что очеловеченная часть природы все более увеличивается и расширяется. Специфическим свойством человеческого отношения к природе является то, что преобразование природы осуществляется людьми при участии их мышления, т. е. что оно осмысливается. Осмысливается не только очеловеченная природа, но и противостоящая, чуждая ему природа. На ранних стадиях человеческой истории чуждая человеку природа была подавляющей, несравненно превосходящей очеловеченную. Поэтому для первобытного человека природа — это чуждая, всемогущая и грозная сила, не превратившаяся еще «в его *неорганическое* тело...»¹ Эта особенность положения первобытного человека и определяет характер его мировоззрения, которое было мифологическим.

В определенных социальных условиях, т. е. с появлением половозрастного разделения труда, на основе фантастического отражения действительности формируются религиозные представления с непонятными и грозными силами природы в качестве объекта своего отражения. Это была, применяя терминологию Юма и Гегеля, естественная религия.

На этой стадии развития религиозных представлений социальные отношения получали объяснение, исходя из кровнородственных отношений. Примером этому может служить тотемизм.

В силу непонимания сущности кровного родства и основанных на нем общественных отношений истинные общественные связи осмысливались через тотем, т. е. фантастически, религиозно. Этим определялся и характер тотемизма: поклонение не существу повелевающему, а родственному, т. е. существу помогающему, близкому и понятному. Через образ тотема, следовательно, первобытный человек иллюзорно очеловечивает природу, преодолевает свой страх перед ней, хотя этим фактически несколько не увеличивает действительно очеловеченную часть природы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 565.

Итак мы видим, что уже в ранних формах религиозных представлений, явившихся идеологической надстройкой доклассового общества, происходит, как говорил Л. Фейербах, «самоотчуждение человека», реализация его сущности в фантастических образах. Характерной особенностью этого «самоотчуждения» является то, что сущность человека, будучи уже оторванной от действительности, еще не противопоставляется самому человеку, не ставится во враждебное к нему отношение.

Отчужденные человеческие отношения становятся чуждыми и враждебными самому человеку только в классовом обществе. Почему так происходит? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно более глубоко понять причины и сущность отчуждения вообще.

К. Маркс говорит, что тайну отчуждения человека нужно искать в специфике труда.

Сущностью трудовой деятельности является создание предметов, преобразование природы. Труд человека есть специфический способ взаимодействия человека с природой, с предметами труда. В этом процессе человек, как существо, наделенное сознанием и волей, активно преследует в своей деятельности сознательно поставленные цели.

Поэтому в продукте труда имеется не только преобразованная природа, но в нем отражается и сам человек, его сущность. Видоизменяя природу в соответствии с некоторой наперед заданной целью, человек деятельно использует все свои «сущностные силы», как выражается Маркс, т. е. всю совокупность своих способностей, талантов, навыков, своих физических, умственных и нравственных сил. Вследствие этого предмет природы, обработанный трудом, помимо того, что в нем в новой форме представлено вещество природы, выступает одновременно как кристаллизация человеческой деятельности. Именно поэтому любое осуществление трудового акта Маркс определяет как «опредмечивание» человека. Следовательно, предмет труда, поскольку он становится своеобразным выражением человеческой деятельности, очеловечивается, в то же время по этой же причине сам человек «опредмечивается». Предмет же в совокупности всех своих свойств становится показателем уровня развития человека, степени его понимания природы и овладения ею. По предмету труда становится возможным судить о его творце — человеке.

По этой же причине в самом труде, в предмете труда возникает внутреннее противоречие: «очеловеченный» продукт труда или «опредмеченный» человек может стать существом, чуждым самому производителю. Когда сам производитель пользуется своим продуктом труда, его опредмеченная сущность не отделяется от его человеческой сущности. Поэтому, например, в раннем первобытном обществе орудия труда и охоты оставались их хозяину даже после смерти последнего.

Однако отделенная в предмете человеческая сущность может быть отделена и общественно: продуктом труда может пользоваться не только сам производитель. Более того, этот продукт труда может быть даже направлен против своего естественного хозяина. Здесь-то и проявляется полностью внутреннее противоречие, заложенное в самой природе труда. Эта способность присвоения чужого продукта ведет к тому, что деятельностью и способностью одного человека может пользоваться другой человек, эксплуатировать его. Эта особенность продукта труда в классовом обществе становится социальной силой, направленной против него и закабаляющей человека.

Наивысшего апогея она достигает в капиталистическом обществе, когда «опредмеченный труд» становится абсолютно чуждым, враждебным человеку.

Весь этот процесс отчуждения человека Марксом излагается кратко так: «Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила, не зависящая* от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение* рабочего из действительности, опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*, освоение предмета — как *отчуждение*, как *самоотчуждение*.»²

Следовательно, опредмечивание, производство продукта рабочим всегда несло в себе возможность отчуждения, т. е. утраты произведенного рабочим продукта. Но только в классовом обществе, с появлением частной собственности, отчуждение стало сущностью производства, а в условиях развитой частной собственности, при капитализме, оно достигло своей вершины и создало условия для своего уничтожения.

Как же этот процесс отразился на человеческих отношениях?

В первобытном обществе человеческие отношения определялись необходимостью удовлетворения насущных потребностей. Сама тяжесть борьбы с природой сплачивала коллектив в единое социальное однородное тело. Производимый этим обществом продукт потреблялся в одинаковой степени всеми членами общины. Принадлежность продукта труда всей общине делала общественную сущность человека общеродовой, так как опредмеченный труд принадлежал самому индивиду, но только в родовой форме. Поэтому индивид не отделял себя от рода. Изгнание из родовой общины в силу этого было тождественно смерти. Человеческие отношения в этих условиях осознавались как естественные отношения, а именно как кровнородственные.

С появлением частной собственности человеческая сущность уже реализуется не в форме общеродового продукта, она начинает овеществляться в форме общесемейного продукта, ибо именно в этой форме происходило опредмечивание человека. Хорошим примером подобной реализации человеческой сущности может быть полинезийское общество, в котором, с появлением классовых группировок на развалинах материнского рода, возникли семейные общины, как обособленные экономические единицы. Здесь большая семья, а не род, выступает как социальный субъект, в котором реализуется родовая сущность индивидов.

Преобразуются здесь и человеческие отношения. Внутри семейной общины характерны отношения равенства, примером чему может быть отношение к общесемейной земле. Номинальным распорядителем земли считался глава общины, который руководил и всеми ее делами. Однако фактически он не мог распоряжаться землей без согласия всех взрослых членов общины.

Что касается межсемейных отношений, то следует отметить, что семьи были неравноправны. В каждом округе выделялась одна привилегированная семья, возвышавшаяся над всеми остальными. Более того, происходит процесс разорения отдельных семей. Возникает различие между богатыми и бедными. Внутри сельской общины, куда входило несколько семей, появляются «благородные» и простые, рядовые общинники. Это приводит к образованию кастовых групп. Наиболее обособленную группу населения Полинезии составляли рабы. По происхождению это были военнопленные.

² Там же, стр. 560—561.

Таким образом, уже на самых ранних ступенях развития классового общества можно наблюдать тот факт, что отношения между людьми устанавливаются не естественным путем, а определяются количеством присвоенного чужого продукта труда. Определенный труд отделяется от производителя и противопоставляется ему, делая его социально неполноценным. Тем самым его социальная сущность обедняется, а то и низводится до нуля. Так, в той же Полинезии рабы считались стоящими вне общества, вне каст.

Одновременно с обеднением социальной сущности производителя эта же опредмеченная человеческая сущность обогащает социальную сущность того, кто ее присвоил, выделяет его из числа простых смертных, лишившихся своих продуктов труда. Например, в Полинезии существовала наследственная знать, родовая аристократия, которая присваивала себе продукты производства и противопоставляла себя простому народу.

Таким образом, с развитием классового общества происходит отчуждение человеческих отношений, которые раньше определяются не естественными человеческими отношениями, а отношениями предметов, продуктов труда, богатства. Одни, сосредоточивая в своих руках массу опредмеченного труда, аккумулируя мощь родовой, общественной сущности человека, сами становятся всемогущими, а другие, наоборот, низводятся до ничтожества, и чем более велик опредмеченный труд, тем более беден и ничтожен создатель могущества.

К. Маркс так характеризовал этот процесс обесчеловечивания человека: «Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньше имущество ему принадлежит.»³

Это приводит к тому, что мертвая материя в лице опредмеченного труда начинает господствовать над людьми. Это уже проявляется на самых ранних стадиях классового общества, когда возвышение над другими людьми становится возможным не в силу личных качеств, а в силу имущественных. Интересно этот процесс проследить в Меланезии, где можно найти классические элементы раннеклассового общества. Здесь наряду с зарождением рабовладельческих отношений развивалось и экономическое расслоение среди свободных. Исследователи отмечали появление имущественного неравенства. Отдельные семьи накапливали довольно большое количество ямса, свиней, «денег» в виде циновок и связок мелких раковин (катагиу). «Богатые люди, — пишет Кодрингтон, — накапливают большие количества этих денег, впрочем, достаточно сотни катагиу, чтобы сделать человека богатым».⁴

Для чего служило это накопление богатства? Оно или вовсе не использовалось как потребительные стоимости (циновки, катагиу), или очень редко (напр., свиньи). Следовательно, их копили не для потребления. Главная цель всех этих ценностей в том и состояла, чтобы служить доказательством богатства их владельца и одновременно орудием их господства в общине. Чем богаче был человек, тем влиятельнее и авторитетнее был он среди окружающих. Свое влияние и господство в общине богатый человек проявлял по-разному. Наиболее распространенным способом этого было экономическое закабаление посредством

³ Там же, стр. 561.

⁴ Народы Австралии и Океании, М., 1956, стр. 446.

раздачи ценностей взаимы, причем это делалось на кабальных ростовщических условиях. Исследователи отмечают большую зависимость должника от кредитора.

Следовательно, здесь мы уже видим яркий пример отчуждения человеческих отношений, когда отношения вещей, имущества становятся определяющими в характере человеческих отношений.

В связи с таким направлением развития человеческих отношений меняются представления о них. Возникают идеи, что власть и общественная сила зависят от сверхъестественных явлений, а не от самих людей. На этой почве у меланезийцев возникают представления мана. Что такое мана? Миссионер Кодрингтон так определяет это понятие: «Та невидимая сила, которая, по верованиям туземцев, вызывает все эффекты, превосходящие их понятия о правильном течении природы, и присутствует в духовных существах, будь то в духовной части живых людей или в духах умерших, и сообщается ими их именам и различным вещам, связанным с ними, как камни, змеи и всякого рода предметы, — есть то, что обычно известно как мана. . . Посредством ее люди могут управлять и направлять силы природы, вызывать дождь и солнечный свет, ветер и затишье, причинять болезнь и лечить ее, знать то, что отдалено во времени и пространстве, приносить счастье и удачу или губить и проклинать.»⁵

«Сознание меланезийцев, — говорит тот же исследователь, — всецело заполнено верой в сверхъестественную силу или влияние, называемое почти повсеместно мана. Это то, что действует при достижении всякого результата, который превышает обычные силы человека, вне обычных процессов природы; она присутствует в атмосфере жизни, связывается с лицами и вещами и проявляется в результатах, которые могут быть приписаны только ее действию. Когда человек приобрел ее, он может пользоваться ею и направлять ее. . . Но эта сила, хотя сама по себе безличная, всегда связана с каким-нибудь лицом, которое управляет ею, все духи природы имеют ее, обычно и духи умерших, а также некоторые люди.»⁶

Наличием этой мана меланезийцы объясняют всякую исключительность человека (богатство, особенную удачливость, силу и т. д.), которая выделяет его из окружающей среды. «. . . Всякий заметный успех есть доказательство того, что человек имеет мана; его влияние зависит от впечатления в народном уме, что он ее имеет; в силу нее он делается вождем. Отсюда власть человека, хотя бы политическая или социальная по своему характеру, есть его мана; это слово естественно употребляется в согласии с туземным понятием о характере всякой власти и влияния как сверхъестественном. Если человек был удачлив в сражении, это не его природная сила руки, быстрота глаза или подготовленность дали ему успех; он, конечно, получил мана от духа или какого-нибудь погибшего воина, и она дала ему мощь через посредство амулета или камня. Если свиньи человека размножаются, а его сады плодородны, это не потому, что он трудолюбив и заботится о своем имуществе, а благодаря обладанию камнями, полными мана для свиней и ямса. Конечно, ямс и естественно растет, раз он посажен, это хорошо известно, но он будет не очень крупным, если не будет привлечена мана; лодка не будет быстрой, если в нее не войдет мана, сеть не захватит много рыбы, а стрела не нанесет смертельной раны.»⁷

⁵ Там же, стр. 463.

⁶ Там же.

⁷ См. там же, стр. 463—464.

Нельзя стать вождем или занять высокий ранг в мужском доме, если не иметь для того необходимую мана; без нее и нельзя сделаться и богатым человеком, ибо богатство — это тоже действие некоей мана.

Следовательно, тот факт, что богатый человек более могуществен социальнее, чем бедный, что между богатым (кредитором) и бедным (должником) существуют отношения господства и подчинения, зависит не от людей, а от мана. Это всемогущество мана опасно не только для бедных, но и для обладателей этой силы, ибо, потеряв мана, теряется богатство и сила. Например, попавший в плен теряет мана; поэтому в плену даже богатому не оказывают никакого почтения.

Сила мана теряется и со старостью. Поэтому у многих народов известен обычай убивать вождей, когда становятся заметными признаки старости, ибо вождь без мана может принести несчастье всему роду. С целью проверки силы вождя его подвергали испытаниям через каждые 10—12 лет, у других же народов — каждый год. Так, еще в XVIII веке подобному испытанию каждый год подвергали короля Гавайских островов. Это испытание состояло в том, что в безоружного короля бросали копья, а он обязан был от них увернуться. Это была проверка короля на мужественность и храбрость. Если король не обладал этими качествами, то он погибал, пораженный копьями своих воинов. В особенности, по отзывам путешественников, славился своими доблестями знаменитый Камеаеа I. Они проявлялись и при выполнении этого обычая. По описанию путешественника Кука, король шел по берегу безоружный, воины в него метали копья, притом делали это самым серьезным образом. Но Камеаеа обладал изумительной ловкостью. Он чрезвычайно искусно увертывался от копий и даже ловил их руками. Он сам хвастал, что на Гавайских островах нет воина, который мог бы пронзить его копьем, ибо он всегда поймает оружие руками.

Поэтому не случайно Камеаеа I приписывали особенно сильную мана, обожествляли его личность, что в значительной степени способствовало тому, что в конце XVIII века он завоевал большую часть острова. Это еще больше укрепило его авторитет и власть.

У некоторых племен вожди убивались без всякой проверки силы через определенное количество лет. Причиной убийства вождя было представление, что его мана ослабла и он в силу этого потерял способность править. На его место избирался другой человек, мана которого еще не была истрачена. Причем не всякий человек мог быть избранным вождем, ибо для вождя выдвигались определенные требования, на наш взгляд, иногда весьма странные. Сам внешний вид вождя должен был свидетельствовать о том, что на нем лежит мана, благодать, приносящая племени благосостояние. Вождем не мог стать тот, у которого есть шрамы или ожоги, увечья или уродства, даже тот, кто когда-либо падал с дерева; некоторые племена считали, что благосостояние народа магически обеспечивается дородством вождей, и потому так откармливали их, что те едва могли двигаться.

Представление о магической связи вождя и племени в огромной степени способствовало формированию культа вождя; раньше первинки урожая приносились в жертву душам предков, теперь же их стала получать душа умершего вождя, наделенная таинственной, магической силой, от которой зависело благосостояние племени. У некоторых племен обычай требовал, чтобы сын умирающего вождя прикоснулся губами к его губам и уловил таким образом уходящую душу, — без этого он не мог наследовать отцу, и становился вождем тот, кто опережал законного наследника.

Все эти обычаи и представления являют нам яркий образец эпохи распада первобытных и формирования раннеклассовых отношений, ибо наряду со сверхъестественными качествами определенное значение имели и личные качества претендента на выдающуюся личность.

По мере обострения классовых противоречий, особенно в связи с отделением умственного труда от физического, идея о независимом от людей социальном порядке расширяется, ибо сами человеческие отношения еще более отчуждаются, становятся неподвластными контролю человеческой воли. Эти непонятные и неподвластные человеку силы определяют его общественную жизнь, поэтому человек их может осознать только в фантастической форме. В силу же того, что эти силы господствуют над человеком, гнетут его, утверждают его бессилие, они осознаются в форме религиозных образов, в частности, в образе богов.

С возникновением культа вождя своих богов люди стали представлять в облике могущественных вождей, власть которых зиждется на огромной физической силе; боги воюют между собой; как и люди, они любят, завидуют, ненавидят, они подвержены человеческим страстям. Эти боги еще весьма человекоподобны, но уже их сущность составляет сверхъестественная сила, которая значительно превосходит силы человека и определяет его судьбы. Боги становятся также повелителями общественной жизни человека, его социальных отношений. В их образе общественная сущность человека окончательно отчуждается, в их воплощается то, что утратил человек, что казалось ему привлекательным, но недостижимым. Это стремление наделить фантастические образы теми свойствами, которые человек еще не обрел или уже потерял, и составляет сущность религии.

Л. Фейербах полагал, что человек наделяет божественное существо теми силами и свойствами, которыми он сам обладает, которые для него обычны. К. Маркс показал, что это мнение Л. Фейербаха ошибочно. На самом деле человек обожествляет те силы и способности, которые реально противостоят ему и в настоящее время не поддаются овладению. По мере же овладения этими силами они теряют в глазах человека свой божественный ореол, переходя в практику обычного.

Именно поэтому по мере познания природных явлений отмирают первобытные религии. Этот процесс их отмирания своего апогея, как мы знаем, достиг в античном мире. Но как раз в этом мире возникают еще более могущественные социальные силы, гнущие человека, и так же непонятные, как и раньше природные. Эти силы реально противостоят человеку в мире стихийно развивающегося разделения труда, и он не в состоянии овладеть ими при существующей классово-антагонистической форме этого процесса.

Угнетенный этими социальными силами человек обожествляет их и поклоняется им. В новых божественных образах он воплощает также те черты и способности, которые ему недоступны и чужды. И это не случайно.

Когда человек оказывается ограниченным в своей жизни и деятельности узкими профессиональными рамками, все способности и таланты, существующие вне его личности, как принадлежность других индивидов, представляются ему ни с чем несравнимыми достоинствами, божественным даром, которым он не владеет и не может овладеть. Так возникают боги, как отражение действительно человеческой сущности, которые становятся чуждыми не только человеку, но и его повелителям. В частности, от них мыслится зависимым и социальный порядок.

Если раньше сверхъестественные силы, вроде мана, духов, хотя и являлись определяющими в общественной жизни человека, оставляли

место еще и человеческой самодеятельности, способностям человека, то теперь боги уже безраздельно господствуют в обществе. Они наделяют властью и отнимают ее, определяют социальные перемены. Особенно ярко этот момент отразился в классических религиях, хотя он заметен и в древних.

Древние египтяне верили, что боги установили в Египте социальный порядок, который поддерживался фараоном, являющимся сыном какого-нибудь бога или даже самим богом. Так, первые фараоны Египта именовали себя сыновьями Исиды; с укреплением патриархальных отношений, они стали сыновьями бога солнца Ра, а в эпоху среднего царства превратились в сыновей Амона. В дальнейшем египтяне считали фараона божеством, называли его, как и Осириса, благим богом.

Фараонов окружали божественными почестями: любой вельможа, являясь перед лицом царя, падал ниц, и в знак особой милости ему разрешалось лишь поцеловать сандалии владыки. В адресованных фараону посланиях подданные именовали себя его «рабами» и «псами», говорили, что они «семь и семь раз падают к ногам царя — на живот и на спину». Всякое непочтение к фараону считалось оскорблением бога и соответственно наказывалось. Об изменении общественного порядка в этих условиях не могло быть и речи. В древнеегипетской религии особенно настойчиво навязывалась та мысль, что человек не в силах изменить земной порядок, поскольку последний дан свыше.

Это же обожествление царской власти, а значит и данного общественного порядка, мы находим и в древнееврейской религии, которая учила, что царь — помазанник божий и перед ним следует падать ниц, как перед самим богом. Следовательно, на этой стадии развития религиозных представлений человеческая сущность полностью отделяется от человека и обожествляется, переносится в царство сверхъестественных существ.

Этот процесс отчуждения человеческой сущности и противопоставления ее человеку происходит одновременно с отчуждением предметного мира, создаваемого трудящимся человеком, и противопоставлением его человеку. Иначе говоря, чем могущественнее становится предметный мир, создаваемый трудящимся, тем беднее становится он сам, его внутренний мир. «Точно так же, — говорит К. Маркс, — обстоит дело и в религии. Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом.»⁸ Опустошение человека, отчуждение человеческой сущности и приводит к возникновению идеи о независимости социального порядка, т. е. о независимости самой сущности человека от человека, что составляет характерную черту всякой религии классового общества, в том числе и христианства.

«Нет власти не от бога» — таков лейтмотив христианства.

Освящение эксплуататорской власти авторитетом бога проходит красной нитью через всю Библию, в которой верующему навязывается та мысль, что рабовладельческие отношения установлены свыше, даны от бога. Особенно ярко эта мысль отразилась в книге Левит, где в стихах 44—46 авторитетом религии узаконивается вечное рабство: «А что раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас; также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, которые у них родились в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью; можете передавать их в наследство сынам вашим по себе, как имене, вечно владейте ими как рабами».

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 561.

Еврейские священнослужители, составившие книгу Левит, уже сознательно пользовались идеей о независимости социального порядка от людей, идеей, которая к тому времени прочно укрепилась в сознании верующих. Вот почему они все законы писали от имени бога и требовали, чтобы эти законы, хотя бы и самые жестокие, самые несправедливые исполнялись во имя бога. За исполнение этих законов они обещали всяческие милости бога, за неисполнение — гнев и месть.

«Если вы будете поступать по уставам моим и заповеди мои будете хранить и исполнять их, то я дам вам дожди в свое время, и земля даст произрастания свои, и деревья полевые дадут плод свой; и молотьба хлеба будет достигать у вас собирания винограда, собирание винограда будет достигать посева, и будете есть свой хлеб досыта, и будет жить на земле (вашей) безопасно; пошлю мир на землю (вашу), ляжете, и никто вас не беспокоит; сгоню лютых зверей с земли (вашей), и меч не пройдет по земле вашей; и будете прогонять врагов ваших, и падут они перед вами от меча; пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши перед вами от меча; призрю на вас... и плодородными сделаю вас, и размножу вас, и буду тверд в завете моем с вами; и будете есть старое, прошлогоднее, и выбросите старое ради нового; и поставлю жилище мое среди вас, и душа моя не возгнушается вами; и буду ходить среди вас и буду вашим богом, а вы будете моим народом».

Но если верующие посмеют не согласиться с волей бога, то им грозят разные муки и страхи.

«Если же не послушаете меня и не будете исполнять всех заповедей сих, и если презрите мои постановления, и если душа ваша возгнушается моими законами, так что вы не будете исполнять всех моих заповедей, нарушивши завет мой,— то и я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и излучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их; обращу лицо мое на вас, и падете перед врагами вашими, и будут господствовать над вами неприятели ваши, и побежите, когда никто не гонится за вами» (XXVI,14—17).

Так бог запугивает людей в случае непослушания. После всех этих страхов человеку, конечно, и в голову не могла прийти мысль об изменении существующего порядка, оставалось все терпеливо переносить и верить во всеблагость бога. Если мы учтем, что в библии излагаются законы, защищающие эксплуататоров, закрепляющие униженное положение трудящихся, то вполне понятным становится, почему эксплуататоры во все времена защищали эти законы, почему они вошли и в христианство, ставшее идеологической надстройкой феодального общества.

Следовательно, с отчуждением человеческих отношений в классовом обществе, с утерей человеческой сущности идея о независимости социальных отношений от воли людей все более укрепляется и, наконец, в классических религиях она становится лейтмотивом.

Поэтому, когда современные неотомисты твердят о бессилии человека в истории общества, то они, несомненно, продолжают истинно христианские традиции утверждения в глазах верующих идеи о социальном бессилии человека и о всеилии бога.

«Бог — владыка истории», — такова первая заповедь томистской философии истории. А если это так, то человеку и в области социальных отношений остается уповать на бога, не пытаться своими силами изменить ход истории. Убеждение в историческом бессилии людей пронизывает всю социологию современных неотомистов. «Вся деятельность

сотворенных существ,— пишет западногерманский томист Бруннер,— включая свободную деятельность людей, не может вторгаться как помета божественным планам, ибо деятельность эта уже от века предусмотрена в них»⁹.

Социальный смысл подобной философии ясен: через проповедь бессилия человека прививается мысль о бессмысленности человеческой революционной деятельности, о полной зависимости от божьей воли. Не борьба, а молитва,— если вы недовольны своим положением,— такова социальная суть этой философии.

Ту же идею человеку прививает и религия, поэтому она и является надежным орудием эксплуататоров в борьбе против трудящихся масс.

Чем более возрастает сила сопротивления масс социальному гнету, чем успешнее продвигаются к своей цели строители коммунизма, тем более усердствуют теологи в проповеди бессилия масс, тем более частыми становятся неотомистские причитания о бесплодности революционной борьбы.

Перед марксистами стоит задача разоблачить реакционность этих причитаний, показать их социальный смысл. Однако для полного разоблачения классовой сущности теории социального бессилия народных масс этого недостаточно. Нужно раскрыть гносеологические и социальные истоки этой теории, выяснить причину ее возникновения.

В данной статье предпринята попытка выполнить эту задачу. При разрешении этой задачи мы пришли к выводу, что отчуждение человеческих отношений в классовом обществе послужило реальной причиной возникновения идеи о независимости социального порядка от людей, которая явилась гносеологической основой возникновения теории о социальном бессилии человека и всесии бога. Следовательно, только устранение отчуждения человеческих отношений, что возможно при условии уничтожения классового общества, поведет к правильному осознанию природы человеческих отношений, к уничтожению религиозной идеи об историческом бессилии человека и всесии бога.

Вильнюсский Государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра философии

Представлена
в июне 1962 г.

**ZMONIŲ SANTYKIŲ SUSVETIMĖJIMAS
KLASINĖS VISUOMENĖS SĄLYGOMIS IR JO ATSPINDĖJIMAS
RELIGINIUOSE VAIZDINIUOSE**

V. LAZUTKA

Re z i u m ė

Žmonijos istorija prasideda nuo to laiko, kai prasideda gamtos sužmoginimas, jos įsisavinimas. Tas procesas vyksta ne tik tai materialinės gamybos sferoje, bet ir sąmonėje. Todėl visos materialaus gyvenimo pusės atsispindi žmogaus sąmonėje, įvairiose jos formose. Atsispindi sąmonėje ir santykių tarp žmonių susvetimėjimo procesas, kuris iš pradžių žmogaus yra suvokiamas fantastiškai, iškreiptai. Šis iškreiptas susvetimėjimo proceso atspindys ypač yra ryškus religijoje, kur žmogaus esmė realizuojasi fantastiniuose vaizdiniuose. Iki klasinės visuomenės šie religiniai vaizdi-

⁹ Цит. по брошюре Б. Э. Быховский, Неотомистический обскурантизм, М., 1959, стр. 43.

niai dar nepriešpastatomi pačiam žmogui, savo forma nėra jam priešingi (pvz., totemizmas). Klasinėje visuomenėje religiniai vaizdiniai pasidaro priešingi, svetimi pačiam žmogui, kuris pradeda jų bijoti, pradeda jiems nusilenkti. Šis ikiklasinės religijos transformacijos procesas gali būti atskleistas melaneziečių ir polineziečių religiniuose vaizdiniuose, apie kuriuos mes galime spręsti iš pirmųjų jų tyrinėtojų aprašymų.

Jeigu ankstyvesniuose religiniuose vaizdiniuose dvasios buvo artimos, giminingos žmogui, tai vėlesniuose,—kada atsiranda vadų kultas,—žmogus pradeda bijoti jų, pradeda tikėti, kad visas socialinis žmogaus gyvenimas priklauso nuo dvasių geros valios, be to, jos pasidaro baisios, gąsdinančios. Taip keičiasi religiniuose vaizdiniuose santykis tarp žmogaus ir antgamtinio pasaulio.

Kadangi pats žmogaus esmės susvetimėjimas buvo objektyviai būtinas procesas, tai ir religijos įvykęs pasikeitimas irgi buvo būtinas. Ankstyvųjų religinių vaizdinių formavimasis yra žmonių santykių susvetimėjimo pradžios atspindys sąmonėje. O vėliau jau religija kurianti sau savarakišką viešpatiją danguje, atsiskiria nuo žemiškojo pasaulio tik todėl, kad šis žemiškasis pasaulis yra apgaulingas ir prieštaringas,—žodžiu, svetimas.

Komunizmo statyba yra žmogaus susvetimėjimo likvidavimas, o tai reiškia, kad kartu su tuo likviduojamas ir jo fantastinis atspindys, t. y. religija.